

ВАРЯГИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

ВАРЯГИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Материалы к лекции по отечественной истории и
истории отечественного государства и права
для студентов всех специальностей и форм обучения

Тамбов
Издательство ТГТУ
2006

УДК 94(47)
ББК Тя73-5
В638

Рецензент
Доктор исторических наук, профессор
Ю.А. Мизис

Составитель
С.А. Есиков

Есиков. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 20 с. –
300 экз.

Даны материалы лекции по отечественной истории и истории отече-
ственного государства и права.

Предназначены для студентов всех специальностей и форм обучения.

УДК 94(47)
ББК Тя73-5

© ГОУ ВПО «Тамбовский государственный
технический университет» (ТГТУ), 2006

Учебное издание

ВАРЯГИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Материалы к лекции

Составитель
ЕСИКОВ Сергей Альбертович

Редактор О.М. Ярцева
Инженер по компьютерному макетированию Т.А. Сынкova

Подписано к печати 18.09.2006.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
1,2 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Заказ № 479

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о начале Руси чрезвычайно сложен, общепринятого решения нет и сегодня, но его необходимо выработать. Главным образом, не ясен вопрос о соотношении русов и славян. Вплоть до X в. большинство авторов их различает, что, кстати, и является главным источником, питающим норманизм. В любом случае весь комплекс проблем является взаимосвязанным, и, не решив одного, нельзя понять другого в этой целостной системе.

Как всегда, важным является привлечение новых источников по теме. Казалось бы, что за многие годы практически все известные источники уже давно введены в научный оборот. Однако такими новыми источниками лишь в последнее время стали немецкие генеалогические документы XVII – XVIII вв., основанные на более ранней традиции. Об их существовании знали, но до последнего времени они не только не разрабатывались научно, но и по большому счету оставались забытыми и в нашей стране, и за рубежом.

После Северной войны вместе с интересом к тогдашней петровской России появился огромный интерес к прошлому страны. Немецкая историография России первой половины XVIII в. чрезвычайно важна тем, что сейчас она ассоциируется преимущественно с именами основоположников норманизма: Г.З. Байера и Г.Ф. Миллера. Тем не менее, многие немецкие историки более или менее подробно изучали различные вопросы русской истории. В Германии варягов (варинов) связывали с вандалами и вендами (не скандинавами!); многие авторы, основываясь на более ранних хрониках и генеалогиях, считали их родственниками. В связи с этим упоминали и несколько «русских» областей (Руссий) на южно-балтийском побережье, среди которых была и Вагрия, родина варягов. Особый интерес, конечно, вызывало происхождение Рюрика. Немецкие исследователи считали его ободритским князем (не скандинавом!), потомком древней вендской, вандальской династии. Изучение немецких концепций может привести к существенному пересмотру и переоценке известных фактов. Мы же попытаемся обобщить то, что уже сделано в этом направлении на сегодняшний день.

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМАНИЗМА В РОССИИ

Многочисленные и ожесточенные споры между норманистами и ненорманистами, начиная с первой половины XVIII в., велись преимущественно по вопросу этнического происхождения Рюрика и варягов. В итоге дискуссия явно затянулась и привела к заметному перевесу норманистов. Количество сторонников норманской теории выросло, а полемика со стороны их противников стала ослабевать. И хотя антинорманисты (Иловайский, Геденон и др.) продолжали свою полемику, большинство представителей официальной науки обратилось к норманистским позициям.

Свое кредо в варяжском вопросе гуманитарная научная элита СССР выразила на рубеже 1920 – 1930-х гг. тем, что объявила норманизм, видимо, по образцу марксизма-ленинизма, единственно правильным учением. В 1928 г. историк, академик А.Е. Пресняков сказал, что «норманистическая теория происхождения Русского государства вошла прочно в инвентарь научной русской истории». Через два года другой академик Ю.В. Готье еще более усилил этот тезис своим категорическим утверждением, что «варяжский вопрос решен в пользу норманнов» и что антинорманизм «принадлежит прошлому».

В 1932 г. в СССР было положено начало целенаправленному курсу на преодоление основных недостатков в деле преподавания истории в школе и ее изучения в научных учреждениях. В ходе борьбы с ее издержками советская историческая наука перешла на новые методологические принципы, ставшие в ней приоритетными. Рассматривая ранее Киевскую Русь как прямой продукт деятельности норманнов, она теперь приняла одно из главных положений марксизма, согласно которому определяющая роль в процессе складывания государства отводилась внутреннему фактору – социально-экономическому развитию общества, в данном случае восточных славян. Такой подход тайл в себе, как показало время, много продуктивного, но он, к сожалению, был возведен в науку в абсолют, что придало варяго-русскому вопросу ложное звучание.

Воцарилось представление, что советские ученые, разработав новую, подлинно научную марксистскую концепцию генезиса Древнерусского государства, тем самым доказали антинаучность норманизма, установили его «неспособность дать серьезное научное объяснение сложных процессов создания государства в IX – XI вв. на огромной территории восточнославянских земель»¹. Подобная позиция проистекала из полнейшего отрицания участия в процессе классового образования восточных славян «воздействия внешних сил», из мысли, что «поиски внешних сил безрезультатны»². Из данного посыла последовал непреложный вывод, что разговор об этносе варягов утратил свой прежний смысл и стал «беспредметным», а полемика норманистов и антинорманистов «потеряла всякий интерес и значительность»³. Ибо в рамках марксистской концепции возникновения классового общества и государства не находилось место для варягов – создателей русской государственности: были ли они скандинавами или другим иноземным народом, все равно не ими было создано государство в восточнославянских землях. Рассуждая так, исследователи, совершенно игнорируя Повесть временных лет (ПВЛ), повествующую о многогранной и плодотворной деятельности варяжских князей и их значительного варяжского окружения в русской истории на протяжении длительного времени, в ходе которого сложилась, окрепла и мощно заявила о себе на внешней арене Киевская Русь, сохраняли основополагающий тезис норманизма о скандинавском происхождении варяжской руси, при этом не считая себя норманистами.

Мавродин В.В. разъяснял сомневающимся (такие все же имелись), что «признание скандинавского происхождения династии русских князей или наличия норманнов – варягов на Руси, их активной роли в жизни и деятельности древнерусских дружин отнюдь еще не является норманизмом»⁴.

И в своей массе ученые СССР, думая точно так же, начали именовать себя антинорманистами, искренне полагая, что историк-марксист всегда антинорманист. Вместе с тем не менее искренне веря, что они, показав

происхождение Киевской Руси как этап внутреннего развития восточнославянского общества задолго до появления варягов, тем самым добились норманнскую теорию.

Абсолютно был прав А.Г. Кузьмин, многократно указывавший, начиная с 1970 г., на ту аномальную ситуацию в науке, когда ученые, видя в варягах скандинавов и приписывая им, по сравнению с норманистами прошлого, куда большую роль в русской истории, признавая скандинавской не только династию, но и дружину, в то же время не считают себя норманистами.

Советские антинорманисты сохранили в неприкосновенности исходную посылку норманнской теории о тождестве варягов и норманнов.

Лишь полным господством в умах советских исследователей норманнской теории объясняется тот факт, что мало кто услышал В.В. Мавродина в 1946 г., констатировавшего: «Забыто то, на что обращали внимание М.В. Ломоносов и С.А. Гедеонов, – на связь поморско-славянского мира с восточными славянами».

Археологи-норманисты, ведя в 1960 – 1980-х гг. раскопки древностей Северо-Западной Руси и интерпретируя их самую значимую часть только в пользу скандинавов, нарочито шумно вводили их в научный оборот. Так, Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко, исходя из археологических данных, по их же собственной оценке, недостаточно широких и полных, утверждали о значительном весе скандинавов в высшем слое «дружинной или торговой знати» Руси. Норманны в X в. составляли, утверждали они, «не менее 13 % населения отдельных местностей». По Киеву эта цифра выросла у них уже до 18 – 20 %, но более всего, конечно, впечатляло их заключение, что в Ярославском Поволжье численность скандинавов была равна, если не превышала, численности славян⁵. Некоторые авторы (И.В. Дубов, В.А. Булкин, Г.С. Лебедев) высказали в 1978 г. твердое мнение, что ладожский материал «раскрывает реальное содержание варяжской легенды». А через год А.Н. Кирпичников пояснил, что в 862 г. в Ладоге появился один «из норманских конунгов», в связи с чем «она становится столицей складывающейся империи Рюриковичей». Насколько подобные утверждения расходились с конкретными историческими данными, видно по словам крупного знатока древнескандинавской истории, Е.А. Рыдзевской. В свое время она отметила, что самое раннее упоминание Ладоги в сагах относится лишь к концу X в. и что в них не находим «ни малейшего намека на какие-нибудь скандинавские поселения» в Ладоге и Приладожье⁶.

Когда же псевдоантинорманистские рассуждения входили в противоречие со все более увеличивавшимся археологическим материалом, то появлялись теории, должноствующие уберечь исследователей от весьма нежелательных обвинений в явном норманизме. Так, известный историк В.Т. Пашуто, признавая историческую реальность призвания «скандинава» Рюрика, на рубеже 1960 – 1970-х гг. выдвинул идею о «славяно-скандинавском социальном и культурном синтезе»⁷. В связи с этим А.Г. Кузьмин напомнил, что норманны всюду оставили след, и след кровавый, разрушительный и нигде не играли созидательной роли.

Все более укрепляя свои позиции в науке, норманизм начинает в 1970-е гг. борьбу с А.Г. Кузьминым, ставшим для него главной опасностью. Почин положил в 1974 г. историк А.А. Зимин, чей приговор был довольно суровым – отсутствие стремления у оппонента понять классовую и политическую сущность летописания, не дается классовая оценка деятельности князей. Кузьмин стал главной мишенью норманистов потому, что призывал исследователей преодолеть исторические мифы. Чтобы пресечь подобное, норманисты под флагом «антинорманизма» и мощным прикрытием марксизма начали борьбу с настоящим антинорманизмом и его наиболее яркими представителями, при этом избегая разговора по существу.

С конца 1980-х гг. была развернута мощная и явно неслучайная кампания по умалению значения М.В. Ломоносова-историка, так как в нем традиционно принято видеть родоначальника антинорманизма, в связи с чем удар наносился в само основание этого направления.

В середине 1990-х гг. в норманизации русской истории был сделан еще один показательный шаг. В 1994 г. на страницах журнала «Новый мир» академик Д.С. Лихачев предложил называть Киевскую Русь «Скандославией», считая, что это название ей больше подходит, чем Евразия. Но наиболее полно представлен нынешний норманизм в работах Р.Г. Скрынникова, в которых рассказывается о завоевании восточных славян норманнской русью. По его утверждению, во второй половине IX – начале X вв. на территории Руси «утвердились десятки конунгов», основавших недолговечные норманские каганаты. Говоря о постоянных и массовых наплывах скандинавов в русские земли, он без каких-либо пояснений утверждает, что «на обширном пространстве от Ладоги до днепровских порогов множество мест и пунктов носили скандинавские названия». Игорь, по его словам, был первым конунгом, который обосновался в Киеве, основанном хазарами и где «до начала X в. располагался хазарский гарнизон», положив «начало местному норманскому владетельному роду». В те же 1990-е гг. Р.Г. Скрынников настойчиво проводил на страницах учебных и академических изданий мысль о существовании в нашей истории не Киевской Руси, а «Восточно-Европейской Нормандии»⁸.

В советское и постсоветское время норманизму в науке противостояло самое малое число исследователей, среди которых прежде всего следует назвать В.Б. Вилинбахова, А.Г. Кузьмина и Н.С. Трухачева.

Генетические связи Южной Балтики и Северо-Западной Руси Вилинбахов обосновывает очень важными данными: лингвистическими, топонимическими (центральный географический пункт Новгородской земли оз. Ильмень «полностью соответствует р. Ильменау в земле венедов»), археологическими, нумизматическими, керамическими, фольклорными (былинный Вулын – город – Волин, важнейший торговый центр балтийских славян), письменными (сказание о Гостомысле перекликается с преданиями балтийских славян о правлении «короля» Гостомысла, VIII – IX вв.), этнографическими. При этом он заострял внимание на делении только городов Северо-Западной Руси (Новгорода, Ладоги, Пскова) и балтийских славян на «концы»⁹.

В 1980 г. Н.С. Трухачев, решая проблему варяжской руси, также обратился к южно-балтийскому материалу. По его убеждению, ПВЛ локализует Русь на о. Рюген, где проживало славянское племя раны, руги, русские,

вымершее к концу XIV в., хотя и после этого их страну источники продолжали называть Русью. Считают, что это и есть остров русов арабских источников.

Но более всего урон норманизму нанес в последней трети XX в. и первых годах нынешнего столетия А.Г. Кузьмин, одновременно подняв разработку варяго-русского вопроса на совершенно иной уровень. На обширном материале он показал, что русская история не ограничивается одной Киевской Русью и что параллельно с ней и даже задолго до нее существовали другие русские образования (территории). Многочисленные свидетельства иностранных источников зафиксировали в Восточной и Западной Европе (исключая Скандинавию) применительно ко второй половине I – к началу II тысячелетия н.э. более десятка различных «Русий». Это прежде всего четыре Руси на южном и восточном побережьях Балтийского моря (о. Рюген, устье Немана, устье Западной Двины, западная часть нынешней Эстонии – провинция Роталия – Русия и Вик с островами Эзель и Даго), Русь Прикарпатская, Приазовская (Тмутаракань), Прикаспийская, Подунайская (Ругиланд – Русия). Основная часть известий о руси (первоначально ругов, но со временем почти повсеместно вытесненное именем «русы») почти не задействована исследователями из-за того, что они не укладываются в принятые норманистские и антинорманистские концепции начала Руси. Особо выделяя из балтийских Русий Роталию, он отмечал, что именно с ней датчане вели многовековые войны на суше и на море. В 1343 – 1345 гг. именно эти «русские» возглавили восстание против Ливонского ордена, а «русские» села и позднее будут упоминаться в документах, касающихся этой территории. Кузьмин локализовал здесь «Руссию-тюрк» и в ее пределах поместил «Остров русов» восточных авторов, видя в нем о. Саарема (Эзель), называемый сагами «Holmgardr» (калька обозначения «Островная земля», исландское «Ейсюсла», искаженное немецкое «Эзель») и переносившими иногда это имя по созвучию на Новгород. В «Руссии-тюрк» он видел Аланскую Русь (или Норманский каганат), созданную в IX веке руссами-аланами после их переселения с Дона из пределов разгромленного хазарами и венграми Росского каганата.

Проблему варягов и руси Кузьмин рассматривал в тесной связи с процессом образования государства у восточных славян, специфика которого заключалась в том, что форма организации племенных союзов в VI – IX вв. выросла на почве территориальной общины и представляла собой стройную, созданную снизу, прежде всего в хозяйственно-экономических целях систему, в которой высший слой еще не отделился от низших звеньев. Но эта естественная государственность, говорил Кузьмин, экономически целесообразная земская власть не могла простираться на обширной территории. Поэтому возвыситься над ними и объединить могла лишь власть внешняя, выступившая в Поднепровье в лице полян-руси, а затем «рода русского», видимо, объединявшего выходцев из Поднепровья, Подунавья и Прибалтики и являвшегося паразитарным по своей сути, и главное занятие которого были война и торговля. Но объединение, созданное руссами, оказалось прочным по причине взаимной заинтересованности: они, довольствуясь в основном лишь номинальной данью с подвластных славянских племен, взяли на себя обязанность их защиты, столь важную вообще в эпоху становления государственности и особенно важную на границе степи и лесостепи внешнюю функцию.

Видя в варягах вообще поморян (вар – одно из древнейших обозначений воды в индоевропейских языках), собственно варягами в узком смысле слова Кузьмин считал вагров-варинов, населявших Вагрию (Южная Балтика). Племя, к IX в. ославянившееся, принадлежало к вандалской группе, а их имя распространилось на всех балтийских славян между Одером и южной частью Ютландского полуострова, а затем на западноевропейцев. Колонизационный поток с южного побережья Балтики на восток, вобравший в себя как славянские, так и неславянские народы, в том числе фризов и скандинавов, начался под давлением Франкской империи с конца VIII в. Варяги, прибыв на Русь, привнесли сюда свой тип социально-политического устройства. Это был, по мысли ученого, тот же славянский тип, основанный полностью на территориальном принципе, на вечевых традициях и совершенно не предусматривающий возможность централизации. И именно для этого типа характерна большая роль городов и торгово-ремесленного сословия, в связи с чем на Севере и была создана полисная система.

Подчеркивая, что современный норманизм держится, главным образом, на прямой подмене (русь противопоставляется варягам, а для доказательства германоязычия последних используются факты, относящиеся к руси), исследователь констатировал, что никаких данных в пользу германоязычия собственно варягов вообще нет. Традиционный норманизм исходил из их тождества и ему была присуща, следовательно, определенная логика. Говоря, что русь, истоки которой не были связаны ни с германцами, ни славянами, он пришел к выводу, что последними русь была ассимилирована примерно в VI – IX вв. В связи с чем воспринималась соседями в качестве славян да и сама осознавала себя славянским, хотя и аристократическим родом. Тот же процесс наблюдался и в других районах Европы, где входили в соприкосновение русский и славянский миры. В целом ни один источник X – XIV вв. не смешивает русь ни со шведами, ни с каким иным германским племенем. Вместе с тем значительный исторический, археологический, антропологический, нумизматический и лингвистический материал в поисках варягов и руси выводит, показал Кузьмин, на южное и восточное побережье Балтийского моря.

Кузьмин А.Г. доказал, с опорой прежде всего на саги, что норманны, с которыми связывают варяжскую русь, стали появляться на Руси лишь при Владимире Святославиче, в конце X в., причем их действия не выходили из пределов Прибалтики, и только при Ярославе Мудром они вливаются в состав варягов-наемников, а затем проникают в Византию. Во-вторых, отмечая весьма сложный, полиэтничный состав древнерусского именованного (славянский, иранский, иллиро-венетский, подунайский, восточнобалтийский, кельтский и другие компоненты), историк на широком материале продемонстрировал, что в нем германизмы единичны и не бесспорны, а норманская интерпретация, которая сводится лишь к отысканию приблизительных параллелей, а не к их объяснению, противоречит материалам, характеризующим облик и верования социальных верхов Киева и указывающим на разнотничность населения Поднепровья. В целом, как справедливо подытожил исследователь свои наблюдения над работами современных норманистов, они идут извне привнесенной презумпции:

сначала провозглашается, что варяги – скандинавы, а потом подтягиваются какие-то аргументы. В соответствующем духе, добавлял Кузьмин, они интерпретируют и показания главного источника по ранней истории варягов и руси – Повесть временных лет.

О ТЕРМИНОЛОГИИ

Документальные источники о русах намного древнее, чем о варягах. Имя «Русь» так или иначе означало этническое, родовое понятие, а «варяги» – лишь географическое. Корень «вар» в индоевропейских языках был издревле связан с обозначением воды, водных пространств. Таким образом, варяги – это живущие у моря, по-моряне. Летописец утверждал, что те варяги-поморяне и звались Русью.

В русских источниках употребляют этноним «Русь» в разных смыслах: в широком – как государство и народ всей территории, подвластной киевским князьям, и в узком – как Приднестровье в районе Киева. В ряде же текстов «Русь» отождествляется с варягами. Для выяснения истоков неваряжской концепции происхождения Руси особое значение имеют тексты, указывающие на территорию и население Приднестровья. По-этому важно заключение, что ареал полянских погребений практически совпадает с границами «Руси» в узком смысле этнонима, и, следовательно, «Русью» именовали именно полян.

Немецкоязычные авторы XV – XVIII вв. переводили термины «Русь», «Россия» то как «Ройсен» (Reussen), то как «Руссия», «Ругия» или «Рутения». По наблюдениям М.Н. Тихомирова, в собственно русских источниках формы «Росия» и «Россия» появляются с XV в., постепенно утверждаясь в следующем столетии.

Название Россия, видимо, происходит из Византийской империи, которая оказала определенное политическое влияние на нашу державу. Византийские авторы называли русов «росами», а позднее это имя укрепилось вместе с христианским влиянием.

Если рассматривать проблему глубже, то окажется, что и название Русь не является изначальным. Можно предположить, что мягкий звук «с» в этом слове появился под влиянием славянских языков, а исконно «русский» вариант звучал, приблизительно, «Ружь» или «Рузь». Русы начали контактировать со «славянами» на Балтике в контексте тогдашнего социального уклада: «русская» знать и «славянские» подданные. До этого времени русов называли *rugī* и *rutenī*. Руги – это название русов в германских языках, где слог «gi» традиционно заменяет произносимое сочетание «жи». Отсюда также вендское название *Rujan* (по-германски, Рюген – «Ругский»), то есть «Ружан». Рутены – латинизированный вариант написания имени «русь», употребляемый через слог «ti», читаемый как «ци». Приведенные лингвистические факты свидетельствуют о том, что германские и латинские хронисты воспринимали на слух названия «ружи» и «руцины», записывая его в соответствии с грамматическими правилами.

В настоящее время тождество русов и ругов, «превратившихся» в средневековой латыни в рутенов, очевидно. Название «рутены» (*ruteni*) является самым близким латинским искажением названия «русины» (*ruszeni*), которое доносят до нас летописи и «Русская правда». По сей день на Западе карпатских русинов называют рутенами, а Карпатскую Русь – Рутенией.

Рутены – это традиционное латинское название русов. Так почему же переводчики с латыни (или с языков, подвергшихся ее влиянию) всегда пишут именно «рутены», а не «русь», т.е. не переводят правильно? Мы же не оставляем неизменным немецкое *Deutsch* при переводе на русский и не пишем «народ дойч», переводим это слово как «немцы», «немецкий народ». Также *Deutschland* не переводится как «страна дойч», а только Германия. То же самое касается и «ругов». К сожалению, и в научной среде пока немало абсурдов. Ни ругов, ни рутенов не существует. Их имя должно правильно переводиться на современный русский язык как «русь».

«Варяги» русских источников – это в узком смысле славянизированные варяги, в более широком (и более позднем) – племена южного берега Балтики. Со времени Ярослава Мудрого сюда включались и скандинавские «поморяне», а после раскола церковью «варяжская вера» будет означать приверженцев «латинства». После 1043 г. этноним «варяги» надолго исчезает со страниц летописей. Со смертью Ярослава (1054 г.), многим обязанным варягам, кончились «выплаты – откупы» в пользу каких-то варягов со стороны Новгорода. Где жили те варяги, которым уплачивалась дань? Очевидно, за пределами уже существовавших государственных образований, с которыми Ярослав и его преемники поддерживали регулярные отношения. Таковыми к середине XI в. оставались острова, Западное Поморье, восточное побережье Балтики. Эти области оставались языческими, что само по себе усиливало их отчуждение от Руси.

При всем разнообразии понимания обозначения «варяги» на Руси всегда сохранялось представление о них как об особом этносе. «Варягами» именовали не только наемных воинов, но и мирных поселенцев Новгородской земли, что в известной мере объясняет смешение варягов и словен и отождествление новгородцев с варягами.

Можно с уверенностью заключить, что русские источники не только не дают оснований для отождествления «варягов» со шведами, но и прямо противоречат такому предположению. Если летописцы выделяют «варягов» из общей массы европейских народов, то они имеют в виду обычно население южного берега Балтики, и иногда Новгородской земли. Распространение понятия «варяги» на все прибалтийские племена или даже западноевропейские народы относится ко времени, когда связи с варягами прерываются.

ОБ ИМЕНАХ

До настоящего времени древнерусские языческие имена являются одним из наиболее прочных аргументов в пользу норманской теории. Попытки «славянизации» этих имен в XIX в. привели, по существу, к обратному результату.

Дошедшие до нас имена принадлежат социальной верхушке и могут служить источником по истории формирования господствующего класса. Большинство имен сохранили договоры руси с греками 911 и 945 гг.,

т.е. имеются в виду именно русские, а не варяжские имена, хотя в ряде случаев прямо указывается, что речь идет о варягах-русах. Весь именослов был проанализирован А.Г. Кузьминым. Мы же остановимся лишь на самых известных.

Так, имя Игорь обычно производится от скандинавского Ингвар, где первый компонент – имя бога, а второй – прилагательное «осторожный». Но, во-первых, это не германское божество, во-вторых, география распространения имени не совпадает с территорией германских стран. Подобные имена встречаются в разных областях кельтского расселения; прибалтийские племена занесли на Дунай имена с корнем *-инг-* в эпоху Великого переселения. Имя Инго носил один из паннонских князей первой половины IX в.

Имя Игорь в западных и византийских источниках воспроизводилось как Ингер. Этимологизировать имя в конечном счете, видимо, надо на уральской языковой почве. Переводится оно как «господин», «великий», «сильный». Уральским по своим истокам является и распространенное в Прибалтике имя Инга, означающее в кельтских языках просто «девушка». В русском именослове имеются и Игоря, и Ингвары, причем они не смешиваются. Имя Игорь может быть славянской формой, обозначающей выходца из Ингрии или Ингрии (Ижоры). Имя Ингвар попало на Русь много позднее, лишь в конце XII в.

Только норманистским ослеплением можно объяснить поиски аналогов для летописного Рюрика в Скандинавии. Об отсутствии этого имени в шведской истории подчеркнуто разъяснял нашим норманистам в 1997 г. в Кирове шведский ученый Л. Грот (а имя Олег не может выводиться от шведского *heilig* – святой, поскольку христианство в стране распространилось спустя два века – не ранее XI – XII вв. Имя Олег созвучно иранскому Халег – творец, создатель). Дело в том, что имя это известно в Европе по крайней мере с IV в. А. Хольдер приводит пять «Рюриков», известных до VII в. Двенадцать «Рюриков» отмечено на территории Франции IX – XII вв. Имя это проще всего может быть понято как название руриков, или рауриков (откуда французские «Рорики»). Название племени происходит, очевидно, от реки Рур или Руара. В настоящее время это название имеют притоки Мааса и Рейна. В средние века и у Одера был приток Рурика.

В антинорманистской литературе имя сближается также с названием ободритов Реригами или просто с вендским обозначением сокола – рарогом. Но имя на Русь попало в кельтской огласовке. К тому же расселение племени в первые века нашей эры предполагало довольно широкое распространение имени по континенту.

Для имени Синеус в Скандинавии нет даже приблизительных параллелей. Поэтому и появилась версия, что Синеус и Трувор – вообще не имена, а неудачно осмысленное скандинавское сказание. В кельтских именах параллели ему находятся и имя объясняется от *sinu* – «старший»: *Sinaeus, Sinicus*.

Имени Трувор параллелью может служить широко распространенное и у современных кельтов имя Тревор. В старофранцузском языке слово «травор» означало поэта, трубадура, путешественника. Напрашивается также сопоставление с именем Труана из договора Игоря и Трояна из «Слова о полку Игореве».

По генеалогии Фридриха Хемница (XVII в.) Рюрик и его братья считались сыновьями Готлейба – ободритского князя, плененного и затем убитого в 808 г. датским королем Готфридом. Правда, названы там братьями Рюрика Сивар и Триар. Но это отличие лишь подчеркивает независимость мекленбургских генеалогий от генеалогии Рюриковичей на Руси. Память о Рюрике, сыне Готлейба, жила здесь долго. Даже в середине XIX в. их записывал французский путешественник К. Мармье.

Говоря о Рюрике, по-видимому, можно считать верным, что он пришел «из-за моря» и был нужен пригласившим его словенам и остальным племенам для защиты и государственного «устройства», видимо, пошатнувшегося в результате междоусобиц. Но первые сложности начинаются с уточнения даты варяжского призвания. Многие историки выражали сомнения относительно 862 г., указанного в летописи. Более правдоподобным представляется многим исследователям 840 г., чем летописный 862 г. Если признать Рюрика сыном князя Готлейба (Годелайба), то получается, что он родился около 800 г. Таким образом, он мог появиться в Новгороде в зрелом и дееспособном возрасте, что выглядит весьма логичным. Причем Рюрик с братьями пришел, по всей видимости, не ко всем перечисленным племенам, а лишь к словенам, в земле которых построил город Ладогу и стал там править, а затем отправился к озеру Ильмень.

Таким образом, русский именослов в целом подтверждает картину, рисовавшуюся летописцами, а также древнейшими западными источниками. В Поднепровье действительно были выходцы из Подунавья, упомянутые в летописи. Движение северных русов и варягов началось значительно позднее. Помимо славян и славянизированных варингов и русов, в переселениях заметна роль фризов. Судьбы фризов и русов на Балтике вообще часто пересекались, поскольку главным врагом тех и других долго оставались даны. В 786 г. фризы были разбиты датчанами при Бравалле, после чего многие из них покинули страну, переселяясь, в частности, и на восток, в славянские земли. Весьма вероятно, что имя князя Бравлина из «Жития Стефана Сурожского» воспроизводит топоним Бравалла (Бравлин принял крещение после смерти Стефана в 787 г.). Археологически фризский элемент с начала IX в. прослеживается едва ли не по всем балтийским городам.

Чисто германских имен в древнерусском именослове нет. У данов германские имена появились сравнительно поздно, что указывает на сохранение на этой территории негерманского населения, может быть, родственного тем же варинам, ругам и вообще племенам венедо-вандалской группы.

Собственно скандинавы попадают на Русь лишь с конца X в., причем в составе смешанных варяжских дружин. Саги не знают русских князей ранее Владимира, да и во времена Владимира герои их действуют в Прибалтике, на побережье прежде всего Эстонии. Тесные связи со шведами установил лишь Ярослав Мудрый.

ВАРЯГИ – ВЫХОДЦЫ С БЕРЕГОВ ЮЖНОЙ БАЛТИКИ

Сохранилось немало свидетельств о южно-балтийском происхождении варягов. В качестве примера можно привести некоторые из них. Первым следует назвать труд Сигизмунда Герберштейна, посла Священной Римской империи, посещавшего Россию в 1517 и 1526 гг. Этот любознательный немец, проявляя исключительный интерес к варягам, был категоричен в своем выводе, что их родиной могла быть только южно-балтийская Вагрия (по его словам, «область вандалов со знаменитым городом Вагрия», граничившая с Любеком), заселенная славянами, которые «были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию. На основании всего этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся верою, обычаями и языком».

Знаменитый Г.В. Лейбниц, философ, математик, физик, проявил свои способности, как известно, и в истории. Он писал, что страна, откуда прибыли варяги, – «это Вагрия, область, в которой находится город Любек и которая прежде была населена славянами, ваграми, ободритами и проч.».

Лейбница к выводу о Вагрии как родине варягов привели, как минимум, две причины. Во-первых, занятия историей герцогства Брауншвейг-Люнебургского и Ганноверского, включавшего в себя земли, на которые некогда распространялась власть сильнейшего на Южной Балтике славянского племени ободритов (бодричей) – реригов. Главным же городом ободритов был Рарог, расположенный у Висмарского залива, и который датчане именовали Рерик. Это название, которое Лейбниц увязал с именем Рюрик, и могло направить его мысль, в правильности которой ученого еще больше укрепил Герберштейн, в соответствующем направлении. Во-вторых, он проявлял все более возраставший интерес к России и ее истории.

Южно-балтийская теория происхождения варяжской руси опирается на древнюю традицию, которая красной нитью проходит через многие восточно-славянские памятники X – XVIII вв. Она явственно звучит в эпоху Киевской Руси на страницах ПВЛ, слабо, но все же прослеживается в источниках периода раздробленности Руси, что хорошо видно на примере новгородского летописания первой половины XIII в. Во время создания и существования единого государства южно-балтийская традиция особенно ярко отразилась в большом числе русских и украинских источников. В Западной Европе параллельно и совершенно независимо от традиции, очерченной рамками ПВЛ и Иоакимовской летописи, на протяжении многих столетий также существовала практика выводить варягов с территории Южной Балтики и относить их к славянам. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что она была зафиксирована представителями разных западноевропейских общностей, которых никак нельзя отнести к антинорманистам и обвинить их в ложно понятом патриотизме. Других традиций, связывающих варягов с другими этносами и с другими территориями, в историографии нет.

У восточных авторов распространены сюжеты о трех группах Руси. В числе трех групп называются Куйаба, ас-Славийа и Арсания. Обычно считается, что Куйаба, который больше Булгара, – это Киев. Славия определяется как Новгород. Относительно Арсании или Артании с городом Арса или Арта идут споры. Вилинбахов В.Б. перенес все три центра на балтийское побережье. Хрбек Й. «третье племя» отнес к острову Рюген. Видимо, как племена или роды, а не города и следует понимать текст восточных авторов. И объяснение Хрбека выглядит логично: первая группа – Куявия в Восточной Прибалтике. Следует за ней Славия – обозначение балтийских славян. Арсания явно созвучна столице Рюгена Арконе. Но Арсания представляется как группа, ближе всех находившаяся к Булгару. А таковым является «Островная земля» – «Остров русов» с каганом во главе.

Южно-балтийских славян принято разделять на три больших союза племен, не имевших прочных границ: самое западное, занимавшее земли от Южной Ютландии до р. Рокитницы, – бодричи (у немецких писателей – ободриты), куда входили вагры, полабы, древане, смоляне, рароги-рерики (собственно бодричи), варны; на востоке и к юго-востоку от них до р. Одры – лютичи (велеты, вильцы) – хижане, рюане (жители о. Рюген, именуемые западноевропейскими источниками ругами, русскими), доленчане, ратары, украинцы, моричане, речане, брижане, шпреяне, плоне и другие; затем между Одрой, Вислой, Вартой и Нотецею, поморяне, из которых выделяют кашубов и словинцев. Южнее лютичей проживало еще одно крупное объединение полабских славян – сербы – лужичане, включавшее в себя мильчан, гломачей и дечан. Германцы (прежде всего немцы, скандинавы, англосаксы) именовали южно-балтийских славян вендами или виндами, а их страну – Винланд, Виндланд.

Исследования немецких археологов показывают, что примерно с VIII в. именно южный берег Балтики выходит на первый план экономического развития. Господствующим занятием славян являлось земледелие. Затем по значимости шло рыболовство, после чего скотоводство, находившееся в цветущем состоянии. Были развиты домашнее птицеводство, пчеловодство, охота. Занимались славяне солеварением (этим славились прежде всего жители Колобрега), высокого уровня достигло у них плотническое дело, храмовое деревянное зодчество, выделка кож, ткачество, ювелирное дело и т.д.

Но особенно заявили себя балтийские славяне на поприще торговли. Но только Европой их торговля не ограничивалась, они торговали напрямую с Азией. Начало этой торговли относится к концу VIII в. Уже в конце VIII – начале IX вв. торговля славян с Западом была настолько значительна, что Карл Великий счел необходимым ее упорядочить. Уже тогда бодричи имели на берегу Висмарского залива особый торговый порт – Рарог (Рерик). Еще большего размаха достигла после IX в. близ устья Одры, где существовало несколько торговых городов: Штеттин (Щецин), Волин и другие, и в этом деле им не уступали жители о. Рюген (Рюана; в настоящее время остров занимает ок. 4 тыс. кв. км. Но он был частично разрушен землетрясением в начале XIV в.).

Волин (немцы именовали его Winetha, Julin) в источниках представлен величайшим из городов Европы. Уже в IX в. он занимал площадь в 50 га и его население в X в. состояло порядка из 5 – 10 тысяч человек (для сравнения, шведская Бирка, крупнейший торговый центр балтийского Поморья, в середине IX в. была расположена на территории 12 га, а датский Хедебу в пору своего расцвета – X в. – занимал площадь 24 га, а число его жителей насчитывало около 1 тыс. человек). В XI в. балтийская торговля, достигшая цветущего состояния,

была сосредоточена именно в Волине, и он, в чем были тогда твердо убеждены на Западе, уступал только Константинополю.

На то, что торговля являлась одним из самых приоритетных занятий южно-балтийских славян указывает топография кладов в их землях. Поэтому естественно, что предшественниками Ганзы и ее ядром стали именно южно-балтийские торговые города: Старград (в 1157 г. переименованный в Ольденбург), Росток, Штеттин, Волин, Колобрег. Характерной особенностью в развитии экономики Поморья было ранее и интенсивное развитие городов, что объяснялось их расположением на торговых путях. И эти торговые города славян – Старград у вагров, Рарог у бодричей, Дымин, Узноим, Велегощ, Гостьков у лютичей, Волин, Штеттин, Камина, Клодно, Колобрег у поморян – были весьма обширны, многолюдны и хорошо устроены как в хозяйственном, так и в военном отношении. Они имели улицы, деревянные мостовые, площади, большие дома (в два и более этажей), были защищены высокими земляными валами, которые укреплялись частоколом и другими деревянными сооружениями. Исходя из того что главный город ободритов Рарог немцы именовали Микилинбургом (Великим городом), а Волин, по их же признанию, был самый большой город из всех имевшихся в Европе, напрашивается вывод, что подобных им городов они ранее нигде не видели.

Скандинавию в торговлю с Востоком втянули именно поморяне. Так, шведский и другие скандинавские языки содержат славянские заимствования, например, «*lodhia*» – ладья (грузовое судно), «*torg*» – торг, рынок, торговая площадь, «*besman*» – безмен, «*tolk*» – объяснение, перевод, переводчик, «*pitschaft*» – печать и др.

Если поиски германских элементов на северо-западе Руси, усиленно проводившиеся на протяжении более чем 200 лет, практически ничего не дали, то отыскание специфических варяжских черт все еще остается делом будущего. Между тем и в именах, и в топонимике варяжские черты представлены шире, чем можно было бы думать, исходя из факта передвижения уже славянизированного населения. Так, например, знаменитому озеру Селигер находится малоизвестная параллель на о. Рюген (озеро Seliger). Трудноэтимологизируемым окским и волжским «Исадам» – поселения на берегах рек, упоминавшихся в домонгольское время, – может быть приведена кельтская параллель – *ossad* – «высаживать». Очевидно, в названии отражается первоначальное значение: места высадки на берег. Город Ростов, название которого не объясняется ни из славянских, ни из угрофинских языков, может быть сопоставлен с поселением *Radestow* «в Старградском округе».

Тесная связь южного берега Балтики с восточноевропейскими русскими землями отражается и в некоторых сагах. От южно-балтийского побережья до «Полтескиа» и «Холмгарда» (т.е. города – острова) разворачиваются действия в саге о Тидреке Бернском. Сага записана в XIII в., но отражает события IX – X вв., возможно, и только IX в. (поскольку не упоминаются венгры). В саге постоянно упоминаются «вильтины», очевидно, вильцы-велеты, в тесной связи с которыми находится Русь. Хотя реальный Тидрек, как и его соперник Одоакр жили в действительности в V в., соперничая в борьбе за Рим, предания о них жили и на Балтике, и новгородский летописец XIII в. упомянул косвенно об этой распри.

Холмгард – это нынешний Сааремаа, а Полтескиа не Полоцк, как обычно считается, а входивший в состав «Руссии-тюрк» город в районе нынешнего Таллина (Ревеля). И «Смаланд», который берет Атилла (тоже персонаж V в.) на Руси, – Смоленск. Это, вероятно, описанный Адамом Бременским «третий остров» – тот, который называется Самландом и соседствует с русскими и поляками, «населяют который Ссамбы и пруссы». За «остров» Адам Бременский принял полуостров Самбию.

У исследователей обычно нет сомнения в том, что упоминаемые в саге «вильтины» – это вильцы-велеты. В саге отражается такой период, когда вильтины господствовали на берегах Балтики.

По саге, в тесной связи с вильтинами находится и Русь, и в этой связи делается своеобразный экскурс во времена Тидрека и Атиллы, где Атилла (в полном соответствии с действительностью) назван «фрисландским конунгом», которых «русские» конунги не признавали равными себе. В частности, русский конунг отказался выдать дочь за фризландского конунга Атилле, ибо «род его не так знатен». Возможно, прародителем конунгов предполагался Одоакр, овладевший Римом в 476 г. Именно этот вариант сказания знал новгородский летописец XIII в. А в позднейшей традиции даже и Богдан Хмельницкий считал себя потомком властителя Рима Одоакра, выходца из Ругии – Руссии.

Исследователи отмечали сходство некоторых религиозных обрядов у балтийских славян и киевских русов. Так, весьма вероятно влияние балто-славянского на реформу князя Владимира, осуществленную вскоре после возвращения его «из варяг». Главное божество дружины киевских князей – Перун – в «Слове о полку Игореве» даже не упоминается. Похоже, что он вообще не имел глубоких корней ни у славян, ни у других народов Приднепровья. Зато в Прибалтике роль его была весьма заметной. Имя Перуна отражалось в названии четверга: «Перундан», т.е. «день Перуна». По аналогии с «днем Юпитера» (французское *jeudi*) или «днем грома», по аналогии с немецким *Donnerstag*. Перун в звучании «Перкун» был одним из главных божеств у прибалтийских народов, причем функции его целиком совпадают с аналогичными функциями у славян и руси. В созданном Владимиром пантеоне языческих божеств первое место принадлежало Перуну, причем его изображение также было заимствовано у прибалтийских славян: «глава сребрена, а ус злат».

О том, что торговые пути на Балтике и в Восточной Европе прокладывали славяне, говорят наряду с лингвистическими и нумизматические данные. Согласно им, самые древние клады восточных монет обнаруживаются на южно-балтийском Поморье (VIII в.), заселенном славянским и славяноязычными народами. Позже подобные клады появляются на о. Готланде (начало IX в.) и лишь только в середине IX в. в самой Швеции. Западная граница массового распространения восточных монет проходит по р. Лаббе, т.е. совпадает с границей расселения славян и резко обрывается на рубеже с Саксонией и Тюрингией.

В конце 1960-х гг. исследователи констатировали, что огромное скопление кладов восточных монет в районе Приладжья и их состав указывают на теснейшие связи этой части Руси с южным берегом Балтийского мо-

ря. Специалистами давно установлено безусловное родство древнерусских и южно-балтийских кладов и вместе с тем их довольно резкое отличие от скандинавских.

Заключения антропологов с поразительной точностью подтверждают выводы археологов. Еще в конце 1960-х гг. был установлен факт наличия среди населения Северо-Западной Руси выходцев с Балтийского Поморья. В дальнейшем сделан вывод о том, что ближайшие аналогии раннесредневековым черепам новгородцев обнаружены в славянских могильниках Нижней Вислы и Одера. Таковы, в частности, славянские черепа из могильников Мекленбурга, принадлежащих ободритам. К тому же типу относятся черепа из курганов Ярославского и Костромского Поволжья, активно осваиваемого новгородцами.

Кроме того, ученые констатировали балтославянские элементы в говорах и этнографии новгородцев. Исходя из этих фактов, они пришли к выводу, что близость в языке и чертах народного быта новгородцев и балтийских славян можно объяснить лишь фактом переселения последних на озеро Ильмень.

Почему же столь сильное влияние южной Балтики? Известное отставание Скандинавии от континентального побережья Европы вполне естественно: на континенте мог быть учтен и использован опыт обширных населенных территорий, в том числе и весьма развитых. Специальные исследования показывают, что и процесс классообразования, и создание государственности в Скандинавии, в частности в Швеции, также отставали от темпов развития материковой Европы. Славяне на Поморье унаследовали издавна развитую морскую культуру. А включение их в международную торговлю по крайней мере с VIII в. было естественным результатом географического положения: Франкская империя, с одной стороны, путь в Волжскую Болгарию и далее на Восток – с другой.

Традиционные торговые пути обычно использовались, в первую очередь, при вынужденных переселениях. Неман, Западная Двина и реки, впадавшие в Ладожское озеро, должны были привлекать и купцов-воинов, и следовавших за ними мужей и смердов, просто уходивших от теснивших их феодальных государств и христианской церкви.

Примечания

¹ Шаскольский И.П. Норманнская теория в современной буржуазной историографии // История СССР. 1960. №.1. С. 225, 236; Он же. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.–Л., 1965. С. 3, 13 – 14, 17.

² Греков Б.Д. Киевская Русь. М.–Л., 1939. С. 9; Рыбаков Б.А. Спорные вопросы образования Киевской Руси // Вопросы истории. 1960. №. 10. С. 26; Он же. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII веков. 2-е изд. М., 1993. С. 258.

³ Пештич С.Л. Русская историография о М.В. Ломоносове как историке // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. № 20. С. 73; Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. М., 1973. С. 61.

⁴ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 132 – 133, 134.

⁵ Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 226, 231 – 234, 238 – 239, 246 – 252.

⁶ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 165.

⁷ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 21 и др.

⁸ Скрынников Р.Г. История Российская. IX – XVII вв. М., 1997. С. 55, 67.

⁹ Фомин В.В. Указ. соч. С. 179 – 180.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буганов, В.И. Эволюция феодализма в России: социально-экономические проблемы / В.И. Буганов, А.А. Преображенский, Ю.А. Тихонов. – М., 1980.
2. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.) : курс лекций / И.Н. Данилевский. – М., 2001.
3. Кузьмин, А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа / А.Г. Кузьмин. – М., 2003.
4. Кузьмин, А.Г. Крещение Руси / А.Г. Кузьмин. – М., 2004.
5. Ловмянский, Х. Русь и норманны / Х. Ловмянский. – М., 1985.
6. Меркулов, В.И. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам / В.И. Меркулов. – М., 2005.
7. Мюссе, Люсьен. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая / Люсьен Мюссе. – СПб., 2006.
8. Рапов, О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в.: принятие христианства / О.М. Рапов. – М., 1988.
9. Фомин, В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу / В.В. Фомин. – М., 2005.